

**«ТАМ, ГДЕ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ...»
(ПОЭТИКА РАССКАЗА А.ГРИНА «КАРАНТИН»)**

В одном из петербургских издательств в начале 1908 года была опубликована небольшая книга под названием «Шапка-невидимка». Это был первый сборник рассказов начинающего писателя Александра Грина. Издание не вызвало особого интереса у читателей, и критика тоже не удостоила автора своим вниманием. Да и спустя десятилетия, когда имя Грина прочно вошло уже в историю русской литературы, исследователи, обращавшиеся в большинстве своем к послеоктябрьскому творчеству писателя, лишь мельком упоминали о его ранних сочинениях, подмечая в них некую «особность» и непохожесть на присущую художнику яркую романтическую стилистику.

Рассказы, включенные автором в книгу «Шапка-невидимка» и впрямь явно отличаются от всего, написанного им позднее. Отличие это, прежде всего, заключено в их отчетливо реалистическом характере. Ощущал это, естественно, и сам А.Грин, называя свои ранние сочинения рассказами, «действие которых происходит в России». События же, описанные в большей части его творческого наследия, свершались в другой – вымышленной – стране, которую один из критиков удачно окрестил «Гринландией».

Большинство сочинений первой книги писателя объединяла и общность темы, что подчеркивалось и самим подзаголовком названия – «рассказы о революционерах». Естественно предположить, что материалом для книги послужили некоторые события личной биографии А.Грина, связанные с периодом его пребывания в рядах эсеровской партии.

Знакомство будущего писателя с социал-революционерами состоялось в 1902 году, когда дезертировавший из армии солдат Александр Гриневский был пойман и посажен в тюрьму. Эсеры, устроив ему побег, снабдили молодого человека фальшивыми документами и перевели его на нелегальное положение. Благодарный беглец, вполне понятно, попал под влияние своих новых товарищей и вскоре стал вести активную революционную работу. Результатом этого стал новый арест и очередное заключение, освободиться из которого удалось благодаря амнистии, объявленной правительством в 1905 году. Таким образом, не вдаваясь в дальнейшие подробности революционного периода биографии А.Грина, хочется отметить, что соответствующие рассказы «Шапки-невидимки» были созданы не абстрактным наблюдателем, а непосредственным участником эсеровского движения.

Биографы А.Грина свидетельствуют, что находившегося на нелегальном положении беглого солдата руководители партии готовили для террористической деятельности. И, как это было принято у революционеров, перед свершением «акта возмездия» исполнитель должен был провести несколько месяцев в уединении и отдалении от места предполагаемого события. Считалось, что такая конспирация, именуемая кара позволит в дальнейшем полиции установить круг знакомств революционера- смертника. Такой карантин сам А.Грин проходил в 1903 году захолустье Тверской

губернии. И этот эпизод его биографии и лег рассказа «Карантин», написанному им в 1907 году.

Образ главного героя этого сочинения во многом автобиографичен: Сергей, подобно самому писателю, выйдя из тюрьмы, связал с эсерами. Желая «расквитаться с палачами жизни», он изъявляет пожертвовать собой во имя идеалов революции. Перед этим ЦК партии отправляет Сергея на карантин. В этом небольшом провинциальном городке, затерянном среди лесов, и происходит действие рассказа.

Два месяца, проведенных здесь героем, словно переродили этого человека, не забывшего о яркой стороне жизни, жадность к ко по мере того, как отъедалось и отдыхало его обессиленное, издерганное тело, полное сильной горячей крови. Шли дни – он жил. Вставало солнце – он умывался и улыбался солнцу. Дышал свежим, пьяным воздухом, пьянел сам, и все казалось веселым и пьяным. Земля обнажалась перед ним день за днем, пахучая, сильная и зеленела. Тяжелело и росло тело, полное желаний. Было просто и хорошо, и хотелось, чтобы всегда было хорошо и просто» (1, с. 126). По признанию самого героя, он «можно сказать – воскрес». И это «воскресение» стало стержневым моментом сочинения.

Весьма существенную функциональную роль в рассказе играет природа. Причем, хочется отметить, что столь выписанных картин нельзя встретить ни в одном другом сочинении писателя раннего периода. Позволю себе привести пространную цитату из рассказа «Карантин»: «Сад ослепительно сверкал, осыпанный весь, с корней до верхушек, прозрачным благоуханным снегом. Зеленое озеро молодой травы стояло внизу, пронизанное горячим блеском, пламеневшим в голубой вышине. Свет этот, подобно дождевому ливню, катился сверху, заливая прозрачный, яблочный снег, падая на его кудрявые очертания, как золотистый шелк на тело красавицы. Розоватые, белые лепестки, не выдерживая горячей, золотой тяжести, медленно отделяясь от чашечек, плыли вниз, грациозно кружась в хрустальной зыби воздуха. Они реяли, как мотыльки, бесшумно пестря белыми точками нежную, тихую траву.

Воздух, хмельной, жаркий и чистый, нежился, греясь в лучах. Яблони и черемухи стояли как замороженные, задремав под гнетом белого, девственного цвета. Мохнатые, бархатные шмели гудели певучим баском, осаждая душистую крепость. Суетливые пчелы сверкали пыльными брюшками, роясь в траве, и вдруг сорвавшись, быстрой, черной точкой таяли в голубизне воздуха. Надсаживаясь, звонко и хрипло кричали воробьи, скрытые темной зеленью рябин» (121).

Сергей ощущает свою полную слиянность с этой живой природой, он словно растворяется в ней: волосы его «мешались с травой» и «трудно было сказать, где кончается его тело и начинается земля. Самому себе он казался зеленью трав, пустивших глубоко белые нити корней в пьяную, рыхлую землю» (122).

Рассказ А.Грина чрезвычайно колористичен, насыщен чистыми яркими красками. Цветовой гамме «Карантина» соответствует и его одористическое

наполнение, сплошь состоящее из благоуханных запахов природы. Именно красота окружающего мира порождает в Сергее «сладкое бездумье, полное ленивой рассеянности», нежит и расслабляет его. Но проходят дни и, если вначале «ни одна определенная, беспокойная мысль не гнездилась в голове» героя, то некоторое время спустя в сознании его все чаще и настойчивее возникает какая-то неосознанная тревога.

Прошлая жизнь Сергея была полностью связана с большим городом, а теперь, очутившись в сельской стихии, он невольно урбанизирует все, произошедшее с ним ранее. И, соответственно этому, в рассказе возникают два противоположных полюса: здесь (на природе) и там (в городе), контрастно притягивающие события последующие. Первое сравнение этих ипостасей возникает в рассказе с появлением девушки Дуни, у которой тонкое, правильное лицо» и глаза, отражающие «колыхание света, ветра и пени». Любуясь ею, молодой человек отмечает про себя, что «там, откуда он приехал, не было таких женщин, наивных в естественной простоте движений, недалеких и сильных, как земля» (123).

Толчком к последующим событиям в рассказе стало письмо, полученное Сергеем. Этот клочок бумаги для него отчетливо ассоциируется с городом, с прошлой жизнью: «Смутное, колющее чувство, странно похожее «а зубную боль, заныло в нем, и сразу тоскливая, серая тень легла на краски зеленого дня. Каменный город взглянул прямо в лицо тысячами слепых, стеклянных глаз и пестрым гулом ударил в уши» (123).

С тревожными мыслями берет Сергей в руки это послание, не спеша спечатывать конверт: «Старое желание выяснить себе и другим результат этих двух месяцев добровольного изгнания снова вспыхнуло и оборвалось чувством смутной, колеблющейся боязни. Слегка взволнованный, как будто простой, синий конверт донес и бросил ему в лицо старые, огненные мысли, забытые в городе, разбив несложную гамму весенних дней, – Сергей разорвал письмо и вынул тонкий, хрустящий листик» (125). Ознакомившись с его содержанием, герой понял, что его безмятежному уединению наступит конец, ибо завтра уже придет сюда кто-то, имеющий отношение к его судьбе, «а потом надо будет уехать и умереть» (125).

И тут вдруг, совершенно неожиданно, наступил момент прозрения: изгнанник ясно и определенно понял, что вовсе не готов к этому и потому э т о г о просто не будет: «Там, где оглушенный, пылающий мозг дает обещания и падает грань между жизнью и смертью в тяжелом угаре судорожной борьбы, там есть своя правда и логика. А там, где хочется жить, хочется есть, пить, целовать жизнь, подбирая, как драгоценные камни, маленькие ее крохи, там, быть может, нет ни правды, ни логики, но есть солнце, тело и радость» (126).

В воспаленном, мятущемся сознании Сергея возникают далекая городская мостовая, на ней люди, фонари, вывески. Толпятся лошади и экипажи. Кто-то едет, а кто-то, «с липким холодным потом на лице и грозой в сердце подымает руку, и все хохочет вокруг гремящим, смехом и рушится... Далекий город встал перед глазами, окруженный лесом труб и стадами

вагонов. Он шумно, тяжело дышал и смеялся в лицо Сергею звонким, металлическим смехом, весь пропитанный мрачным, фанатическим налетом горения мысли.

Там, в центре кипучей, бешеной лихорадки нервов, механизм жизненных сплетений неустанно ковал в сотнях и тысячах сердец волны чувств и настроений, окружая Сергея немой, загадочной силой порыва. Но как тогда измученный дух рвался к расплате с палачами жизни, так теперь было понятно и просто, что умирать он не собирался, не хотел и не мог хотеть» (126).

Теперь же перед ним возникают образы друзей и соратников по партии, но все они почему-то напоминают ему маленьких крикливых воробьев, шумящих, прыгающих и старающихся перекричать подлинную жизнь. Он представил себе их бледные, измученные и издерганные лица, и ему стало жаль этих людей с вечно голодными мозгами и окаменевшими сердцами. Сергею стало тяжело и противно, он досадовал и на себя, потому «что он, как многие, оказался способным создавать мысленно красивые, смелые дела. В период острых, нервных подъемов воображаемого подвига так приятно умирать героем и вместе с тем радоваться, что ты жив» (127)...

Но теперь уже решение было принято окончательно и бесповоротно: с прошлым покончено. Герою предстояло сделать последний шаг – объяснить с посланцем ЦК партии эсеров Валерьяном. Весьма символично, что приехавший из города эсер выглядит в новой. Прообразом этого персонажа послужил реальный революционер, наставник и политический учитель А.Грина, член ЦК партии эсеров Наум Яковлевич Быховский.

ля себя обстановке явно инородным телом: на фоне здешней яркой, многокрасочной природы человеку этому сопутствует лишь один цвет – черный. Один Человек этот черный, кудластый и горбоносый; черные глаза Валерьяна, черный Валерьян, черный человечек, черный человек, черная точка.

Эта «окраска» отнюдь не «чернит» своего носителя. Напротив, автор подчеркивает достоинства закаленного и умудренного опытом революционера, изображая его человеком вполне интеллигентным. Валерьян личность достаточно твердая в своих убеждениях, проявляет в то же время мягкость по отношению к Сергею.

Преодолев и это препятствие, убедив своего визави в том, что героем быть он не может, а винтиком в машине – не желает, Сергей словно почувствовал громадное облегчение, ибо «он будет жить. Каждый видеть небо и пустоту воздуха. Крыши, сизый дым, животных. Каждый день есть, пить, целовать женщин. Дышать, двигаться, говорить и думать. Засыпать с мыслью о завтрашнем дне. Другой, а не он, придет в назначенное место и, побледнев от жути, бросит... серую, холодную коробку, похожую на мыльницу. Бросит и умрет. А он – нет; он будет жить и услышит о смерти этого, другого человека, и то, что будут говорить о его смерти» (143-144).

И словно в знак прощания с прошлым и нежелаемым будущим пронесся в последний раз перед Сергеем слабым, оторванным пятном далекий

призрак каменного города, пронесся и окончательно растаял. Но полному разрыву героя с эсеровщиной все еще препятствует та самая «серая коробка» – предназначенная для теракта бомба, привезенная ему посланцем партии. Глубокой ночью несостоявшийся террорист идет в лес, дабы избавиться от смертоносной посылки. И эта сцена, продолжающая колористическую ипостась Валерьяна, выдержана в сугубо мрачных тонах. Все вокруг черно – звезды жгут черное пространство, Сергея окружают черные кусты, мрак поднимается черной пастью, деревья открывают ряды черных коридоров, чернеют корни бурелома, чернеет сам воздух и в черной пропасти неба стынут деревья...

Весьма характерно, что гриновский рассказ завершается эротическим финалом, а герой произведения собирается завтра же покинуть место своего единения, чтобы зажить другой, пока еще неясной для него жизнью...

Конечно же, рассказ «Карантин» не может быть причислен к вершинным сочинениям писателя. Однако повествование это, отнюдь не лишенное недостатков, можно считать своеобразной вехой в творческой биографии мастера, талант которого сформировался в первое десятилетие минувшего века. Именно тогда Александр Грин вобрал в себя и принес затем русскую литературу «неистребимую любовь к жизни и свободе; тягу к счастью; жажду радости и ощущение неизбывного трагического разрыва между высоким предназначением человека и засасывающей трясинной обывательщины» (2, с. 371).

Литература

1. Грин А.С. Собр. соч. в шести томах. Т.1. – М., 1965. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте в овальных скобках.
2. Россельс В.М. А.С.Грин // История русской советской литературы в 4-х томах. Т. 1. – М, «Наука», 1967.